

* * *

Измучились и ночь и тишина
От несвобод словесных оболочек.
И опустело место у окна,
И будничная музыка слышна,
И сердце болевых лишилось точек.

И мир утих и съёжился у ног.
И стало пусто, тускло и свободно.
И не манят к себе те сто дорог,
К которым мог шагать, не чуя ног.
И всё былое кажется бесплодно.

И чёрно дерево. И мёртвый лист.
И холодом луна дарует властно.
И горизонт без зорь. И не лучист.
И равнодушен. И ненужно чист.
И всё былое кажется напрасно.

Но первый луч и первый лёгкий звон,
И первое воздушное молчанье
Стеклись по капельке со всех сторон —
И ожил мир. И в музыку влюблён.
И на столе дымится чашка чая.

Ожиданье

Озвученные каплями дождя	И разнося встревоженные волны
Бесшумные шаги струятся слепо	Угаснувшей в бессилье тишины.
И формируют ожидания слепок,	Терпением ожиданье полно.
Не прикасаясь, мимо проходя.	И миражи достоинства полны.

* * *

Прикосновения твои
Подобны
Прохладе листьев,
Шелестящих над зноем пепла,
Ещё вчера лежавшего
Бесформенной,
Уставшею от ветра и дождя
Угрюмой кучей хвороста и дров,
Нарубленных с размаху
Жадной жизнью
И позабытых нечаянно
Стеречь опушку леса
От солнца и ветров.

Прикосновения твои,
Спалившие дотла
Тот жалкий хворост,
Теперь печально и прохладно
Шелестят над ним
Мелодию погибших грёз.

Прикосновения твои...

* * *

Поэт — ума лишённый человек.
Он равен воздуху над крышей,
Босой земле и ощущениям свыше.
Поэт — ума лишённый человек.

А вы — разумны и великодушны,
Спокойны в меру, в меру же важны.

И ваши руки, ваши души
Необходимы всем, нужны.

Своим покоем и доверьем силе,
Своей простой, нормальной красотой
Вы уважение — не заслужили —
Завоевали крепкою рукой.

Но не обидьте святости доверья
Безумца, возомнившего себя
Распахнутою в небо дверью,
К которой приглашает вас, любя.

* * *

Журча, звенит сухая ночь...
Но дай Бог силы превозмочь
Её разломанный поток,
Испепеливший мой порог,
Лишивший сна, лишивший сил,
Отнявший всё, что ты любил,
Воспевший пустоту и мрак
И вперивший свой тёмный зрак
В остатки отражённых лет.

Им невозможно крикнуть «нет»,
Их невозможно растоптать
И раздавить, и расшвырять
По свету пеплом пустоты.
Звени, сухая ночь... И ты
Достойна утренней зари,
Но душу мне не разори.
Не трогай. Пощади меня.
Дай насладиться светом дня.

* * *

Несуетная тишь, невиданная гладь,
Быть может, даже Божья благодать
Намоленного домика
вдруг снизошли ко мне,
И тени мягкие кольшутся в окне,
Чтоб тайной росчерка улечься на ковёр
И воскресить забытое с тех пор,
Как помню я себя.
А время, ненавидя и любя,
Раскручивает звёздную спираль,
Но не уходит по привычке вдаль
По проторённому Млечному Пути,
А медлит, медлит — не спешит уйти.
И висит вдруг над головой,
Стирая грань меж счастьем и бедой,
Ушедшим и стремящимся ко мне,
Дождём скользящим шелестит в окне,
Врачуя искажения души, —
Пред вечностью блаженной не спешит.

* * *

Старая пьяная баба упала.
И рядом с дорожкой, где я гуляла.
Интеллигентно, чинно гуляла,
Воздухом чистым вечерним дышала.
А старая пьяная баба — упала.

Но может, не старая — просто больная?
И может, не пьяная — просто такая?..
От жизни от этой многих шатает,
По жизни по этой многих болтает.

Руку мне женщина тянет во тьме,
Руку за помощью — прямо ко мне.
Больше-то не к кому — я да она,
Да над дорожкой светит луна,
Только что юркий ночной «ястребок»
Нос ей дельфиний приделал и бок.
Глазом смешливым туманным глядит —
Горе и смех невесёлый с людьми.

А старая пьяная баба — упала.
И рядом с дорожкой, где я гуляла.

Да, она старая — лет сорока.
Да, она пьяная — грязны бока,
Грязна рука, подвернулась нога.
Ну настоящая баба Яга!..

Зубы сцепив, её тяжело тащу.
Мёртво схватилась, прилипла к плащу,
Что-то там шепчет в бессильном бреду:
«Дочка, родная, прости, не дойду.
Пьяная дура!.. Прости ты меня,
Что не хватило мне светлого дня,
Чтобы добраться. Вон там я живу, —
Тычет клюкою направо ко рву. —
Там у меня уж готова постель...»

Мерзкая осень. И скоро метель...

* * *

Собака я. Живу — в чужой норе
В глухом лесу и вдалеке от дома.
Нора пуста и для одной огромна,
И холод в ней собачий в сентябре.
И в августе. И круглый год...
И вообще всё задом наперёд

В чужой и странной этой стороне.
И здесь никто не знает обо мне,
Да и на родине давно уже забыли.
Там — память солнце выжгло,
Здесь — дожди
                    разломанность тоски размыли
И ранам не дают зажить.

Сюда лелеять я их прибежала,
Но небо мрачное здесь с самого начала
Навязывает ритм иной:
Размыт слезами он
                    и смешанный с тоской.

...Ах, милая, да хватит выть и ныть.
Сегодня солнце. И пора простить
Всех любящих тебя.
И всё должно зажить
И лёгкостью прощальной воспарить,
Хоть и собачью — эту жизнь любя.

Ночь

Прозрачен, призрачен и прочен	Подпитывает мягкой негой.
Свет снега под моей ногой.	И далеко ещё до дня,
Ещё он чист и непорочен,	Который вытопчет и вытрет
Неприкасаемо — другой.	О душу чистую сапог.
И опрокинутое небо	И воспаряю, чтоб увидеть —
Ночным томлением маня,	Любовью переполнен Бог.

* * *

Застыла в онемении и боли
Растерзанная русская душа.
Всё воинство, бесстыдное и злое,
Обглаживать накинлось, спеша,
России тело, плотоядно воя
С экранов, содомистски голубых,
О новом рае, о ковчеге Ноя,
В который понатискать бы своих,
Помеченных цифирью разложения;
А остальных? — им место там, на дне...
Всё замерло, застыв в изнеможенье
В уставшей от предательства стране.

«Народ безмолвствует...» То ль не рождён,
То ль с пулею во лбу — юродивый

С отнятою копеейкой. Храм освящён —
В бетоне и стекле. И вроде бы
Благое это дело. Но спешно,
Слишком спешно он произрос
На тине и грязи. Усмешка
Строителя кривила рот.
Он вольный каменщик —
И оттого смешливый.
Захочет ли Творец наш терпеливый
Спасителя как Сына Своего вернуть,
И станет ли Он Сам

защитной сенью храма?..

В густой тяжёлой мгле России путь.
Но занавес пошёл. И без антрактов драма.

1999

* * *

Уходит боль из правого виска,
И мир теплеет.
Новорождённо чистая доска
Восторгом млеет,
Предчувствуя каракули любви —
Весенней блажи.
Неважно чьи — чужие иль свои,
Почти неважно.

И тесный мир притянут и объят
Души распахом.
Немного жаль, что все, конечно, спят,
И не услышать ахов
По поводу спирального витка
И обновленья...
Лишь на закате — тлеют облака
Тоской смятенья.

Владимирскому собору города Киева

Я — немощь, нищета.

Бог — сила моя.

Так долго ждать неожиданной этой встречи,
Не знать о ней, не ведать и в веках.
И вдруг застыть, на миг лишившись речи,
И воспарить в летучих облаках.

И вот тогда с небес голубоглазых
В круженье крыл, в восторге нищеты
Вдруг всё понять и воскресить всё сразу,
И истину поникшей красоты

Костром пылающим раздуть в безбрежность,
И источиться нежностью души,
И содрогнуться ощущеньем прежним
Любви, всесилья, счастья, чистоты.

1986